

Иван Гобзев

КОДАВР

Самый популярный актер сейчас — Август Ланкастер. Боже мой, как он красив и очарователен! Когда он стоит на набережной, а ветер развеивает его волосы, и все это на фоне заката, а потом он поворачивает голову, и половина лица в тени, а половина — медная от солнца, и вспыхивают в лучах его карие-карие глаза, это невообразимо. Можно упасть в обморок от восторга. И эта вот полуулыбка — и в глазах, и на губах, загадочная и чуточку насмешливая. Он смотрит на всех по-разному: на девочек с отцовской теплотой и нежностью, на женщин — как сильный и уверенный мужчина. Я (и не только я) готова смотреть в его глаза бесконечно. Он завораживает, притягивает, обещает. У миллионов женщин по всему миру на заставке всех гаджетов его лицо. Только не у меня, потому что, по-моему, это глупо.

Август признан самым сексуальным мужчиной за всю историю кино. Но и актер он блестящий: пожалуй, мало найдется других с таким перечнем наград. И это заслуженно.

Вот, например, ремейк старого фильма «Покидая Лас-Вегас». Он в роли несчастного алкоголика, потерявшего семью, работу и впавшего в полное отчаяние. Он решает упиться до смерти, он так буквально и говорит: «Я собираюсь упиться до смерти», — и с этой целью едет в Лас-Вегас. Там он встречается проститутку, с которой у него завязываются очень своеобразные отношения.

Он там совершенно прекрасен. Бледный такой, постоянно пьяный или с похмелья, еле живой и в то же время невероятно обаятельный. Мелькнет вдруг его улыбка, посмотрит с экрана так душевно и печально, и понимаешь — да, вот он, гений!

Актриса эта, которая проститутку играет, получила Оскара за роль второго плана. В оригинальной версии играла Элизабет Шу, так ей тогда не дали. А вот Мелания Карлайл явно ее переиграла и получила заслуженно.

Она тоже красива. Нельзя сказать, что она совершенна, черты ее лица не совсем правильны. И она очень редко улыбается. Но когда она смотрит сосредоточено на тебя, чуть опустив подбородок и приоткрыв губы, от нее невозможно оторваться. У нее всегда одна и та же простая прическа — волосы убраны в хвост и перевязаны простой резинкой. В ушах чаще всего большие кольца. Косметики на лице не заметно, кожа выглядит безупречно, разве что небольшие складки в районе губ и две вертикальные морщины над переносицей — из-за ее манеры напряженно смотреть. Но эти морщинки только добавляют ей очарования.

Есть в ней нечто, что ранит мужчин в самое их чувствительное место. Да и женщин тоже. Некоторые мои знакомые говорили, что мечтают о такой подруге, а одна призналась даже (правда после хорошей порции крепкого коктейля), что с такой женщиной она забыла бы о мужчинах. У меня к Мелании нет ничего такого, но я восхищаюсь тем мастерством, с которым она выполнена.

Над Августом и Меланией работают тысячи людей, в общей сложности на них к настоящему моменту потрачено более двух миллиардов (Август обошелся немного подороже). Какие только специалисты не были задействованы в создании их образов и проработке деталей поведения и общения. Один штат программистов насчитывает около четырехсот человек. И целая армия менеджеров, маркетологов, аналитиков, психологов и так далее — все эти люди должны были сделать Августа и Меланию неотразимыми. Такими, чтобы они нравились каждому без исключения.

Говорят, что над придумыванием их имен трудились десятки специалистов. Проводились массовые опросы, дорогие исследования общественного мнения. В конце концов были утверждены Август Ланкастер и Мелания Карлайл.

Что сказать, звучит.

Не так давно у них завязались отношения. Весь мир обсуждает, что из этого выйдет, поженятся они или нет. Это будет самая прекрасная пара на свете. В сети появились фото, на которых они сидят с утра в кафе при каком-то фешенебельном ресторане. То, что это утро, понятно по солнцу на фоне — оно восходит над морем, огромное и розовое. Ничего такого, они даже не держатся за руки. Но он, откинувшись на стуле, смотрит на нее весело со своей знаменитой полуулыбкой, а она, облокотившись на стол, смотрит

в ответ, пристально, чуть нахмурившись и тоже вроде улыбаясь. Хотя по фото не совсем ясно — улыбается она или нет. Но все равно понятно, что между ними что-то есть — когда вот так вот сидят двое в кафе с утра и глядят друг на друга в упор, это что-то да значит.

Поклонники теперь осуждают: было ли у них что-то или нет? Раз они в отеле с утра и притом вроде не на съемках (сейчас у них нет совместных проектов), значит, пишут люди, было. Другие сомневаются — мало ли, может быть они просто друзья и решили с утра выпить кофе. Ну, и начинается спор, вплоть до оскорблений.

И только один скептик, очень известный блогер, Альберт Великий, обратил внимание на самое главное. В своем блоге он опубликовал такой пост (привожу дословно):

«Ребята, вы что? О чем срач? Август и Мелания — всего лишь компьютерные программы, он и она — это код! Что между ними может быть? Обмен единицами и нулями??? Опомнитесь, дебилы, их не существует!!!»

Ясно, что этот пост был рассчитан на привлечение внимания и поднятие собственного рейтинга. Я, как работающая в этой сфере, кое-что понимаю. С «дебилами» он, конечно, перестарался. На него обрушились все, забыв распри и сплотившись. Чего только не написали ему в комментариях, но самый интересный на моей взгляд такой:

«Кто бы говорил! Ты же сам код, урод! И при том очень хреновый!» Вот это правда, Альберт — тоже компьютерная программа, причем сильно устаревшая. Ходили слухи, что его хотят списать или заменить на другую, но у него много подписчиков — в основном, люди старшего поколения. Я думаю, разработчики дождутся, когда большая часть его читателей умрет, и тогда ему конец.

А ведь еще совсем недавно, лет пятьдесят назад, актерами были живые люди. Со всей их неповоротливостью, физиологическими ограничениями, сложившимся характером и сценическими возможностями. Трудно поверить, но это так. Как правило на съемках использовали дублеров, если надо было выполнять трюки. Потом добавился постпродакшн — по сути цифровая обработка и создание из актеров того, чем на самом деле они не являются. Постпродакшн расширил границы возможного, позволяя актерам делать всевозможные удивительные вещи, а главное — он расширил их амплуа.

Со временем, с развитием технологий, стало ясно, что в живых актерах необходимости нет. Скорее даже, они создавали проблемы — то не могут, это не умеют, так не посмотрят, эдак не улыбнутся. В итоге все равно приходилось добиваться требуемого на компьютере.

Многие известные актеры возмущались тем фактом, что все чаще и чаще им приходилось играть с программами, а не с живыми партнерами. Режиссеры, операторы, критики и просто любители кино устраивали флэшмобы, создавали петиции, собирались на пикеты и прочие мероприятия с целью остановить распространение кодированных актеров. Но дело обернулось как всегда — общественность была «за». Людям нравились актеры нового поколения. Они отвечали их заветным чаяниям. Они хотели на них смотреть.

В какой-то момент один известный и уважаемый критик, который раньше выступал с едкой иронией по поводу «кодавров» (как он их остроумно обозвал, объединив слово «код» и латинское наименование трупа), вдруг написал очень позитивную рецензию на новый фильм с огромными кассовыми сборами, в котором не участвовал ни один живой актер. Анализируя игру кодавров, он пришел к выводу, что они ничем не уступают своим «предтечам из плоти и крови, а, судя по всему, и на порядок их превосходят».

Представители старой школы яростно обрушились на него, утверждая, что он проплачен. Кто-то предположил, что автор сам является кодавром. Но это, конечно, было не так, потому что тогда кодавыры еще не получили распространения за пределами киноиндустрии.

Тем не менее, фильм собрал почти все возможные Оскары. Но самое главное, знаменующее переломный момент в истории кино, заключалось в том, что премий удостоились номинации в разделах «лучший актер» и «лучшая актриса».

Для многих это было шоком, зрители, воспитанные на классике, не хотели принять новый порядок. Но он, этот порядок, утвердился сам, хотели они того или нет.

Что любопытно, термин «кодавр» широко распространился и прочно закрепился в речи. Вот уже сколько лет прошло, тот критик давно умер, а слово «кодавр» живет. Правда, теперь так называют неудачные программные коды — когда очень хорошо вид-

на разница между человеком и программой. Забавно, что часто так обзывают и людей, если они ведут себя нелепо или неумело. Когда я недавно в кафе с подругами случайно перепутала имена актеров из одного нового сериала, мне девочки сразу закричали: «Ну, ты и кодавр!»

А дело в том, что я в самом деле хочу им быть.

Я сижу в офисе самой крупной и авторитетной компании, представляющей на рынок кино актеров. Как правило, они выполняют конкретные заказы, поступающие от продюсеров свежих проектов. Обычно требуются или новые актеры, или переработка старых. Но бывает так, что компания и сама предлагает что-то особенное. Штат специальных людей постоянно мониторит изменение вкусов и потребностей аудитории, а потом результаты воплощаются в новых образах, которые могут оказаться очень востребованными зрителем. Риск, конечно, большой, расходы на создание новых актеров миллионные, и они могут оказаться никому не интересными. Так уже было, и не раз.

Например, Патрик Балтимор. За пятьдесят, с лысиной, седоватый, с легкой щетиной, прищур, умная улыбка. Невысокий, сложен не великолепно и совсем не красавец, но обаятельный. Знатоки сразу распознали в нем ремейк Джека Николсона. Рекламная кампания была мощной, повсюду на экранах мы видели его анимированное лицо, по улицам, в метро и торговых центрах шагала его голографическая проекция, он уступал вам дорогу, подмигивал и даже делал оскорбительные жесты.

Итог же был плачевным. В массах за ним быстро с чьей-то легкой руки закрепилось прозвище «старый хрен». Патриком Балтимором его никто не называл. Первый фильм (и последний с его участием) провалился в прокате — сборы оказались примерно в десять раз ниже, чем было потрачено на съемки (не говоря уже о расходах на создание образа, которые обычно окупаются годами!).

Спустя несколько лет я читала воспоминания бывшего продюсера компании, имевшего отношение к разработке Патрика. Больше всего он жалел о том, что зазря пропало такое прекрасное имя. «Теперь уже, — сетовал он, — его долго не используешь! Все сразу вспомнят старого хрена!»

Это он, я думаю, ошибается. Бывших в современном мире забывают за пару лет.

Я сижу на удобном диване у журнального столика в просторном помещении. Стену напротив полностью занимает окно, от пола до потолка. За окном город, залитый солнцем и синее-синее небо. Ничего лишнего, только диван, небо и я. И так тихо, никого нет, вроде бы ты одна в целом мире, но внизу, если приглядеться, улицы кишат машинами и людьми, как, прости Господи, черви в трупе. Но меня все это как будто не касается, потому что я сверху.

Открывается дверь, входит девушка, одна из замов генерального. И хотя я сама себе кажусь красивой (и мужчинам, судя по всему, тоже), рядом с ней моя самооценка резко падает. Вроде бы что особенного, она в простом костюме, аккуратное каре, минимум косметики, лаконичные черные туфли. Неприметные золотые сережки и такое же скромное золотое кольцо. Ногти коротко пострижены, покрыты бесцветным лаком.

И, тем не менее, она выглядит до такой степени ухоженной и дорогой, что я рядом с ней чувствую себя бомжихой.

Она улыбается и протягивает мне папку:

— Очень приятно с вами сотрудничать.

И стоит дальше молча, смотрит на меня с улыбкой. Она дает понять, что разговор окончен, до свидания, но совершенно не обидно, а так профессионально и даже мило.

Я беру папку, смущенно улыбаюсь в ответ и иду к лифту. Он подхватывает меня и несет вниз, и мне кажется, что я немножко лечу.

Только в холле я открываю папку и заглядываю внутрь, хотя и так знаю, что там. Да, все на месте, гонорар, как и договаривались. Этого, с учетом дополнительных ежегодных авторских, мне хватит на всю жизнь. Да не просто хватит, я смогу позволить себе почти все, о чем раньше могла только мечтать. Но больше всего я хочу путешествовать. Один мой пожилой знакомый, отличный дядька, позитивный даже перед лицом скорой смерти, сказал как-то: «Знаешь, я жалею только об одном — что мало путешествовал». И засмеялся — совершенно беззаботно.

Да, они взяли мою внешность за основу для создания новой звезды. Из миллионов фотографий в агентствах по всему миру они выбрали мои. Это невероятно, однако это так. Но мне немного грустно. Есть досадные ограничения. Придется сменить имя,

внешность и место жительства. И еще я подписала бумагу, в которой обязуюсь никогда не рассказывать о том, кем я была прежде.

Зато через пару-тройку лет, когда мой кодавр будет готов, у меня есть шанс увидеть, как я — та, другая я, до пластической операции и смены жизни, целуется в кино с Августом. А я — вдруг тут же представляется мне, настоящая я, — сижу на грязной кухне где-то на краю мира, пью вино и курю, на столе переполненная пепельница и пустые бутылки. При мысли об этом у меня захватывает дух и холодеет где-то внизу живота. Я даже останавливаюсь в стеклянных вращающихся дверях, пораженная этим образом, так ярко вспыхнувшим в моем воображении.

«Ну, нет, — говорю я себе, — я буду счастливой!»

— Девушка, вы идете? — спрашивают меня сзади.

— Да-да, — растеряно отвечаю я и выхожу на улицу.

Меня подхватывает поток людей и машин и несет по огромному телу города, и я снова превращаюсь в одну из миллиардов бактерий. С огромного рекламного щита на меня смотрит Август, он подмигивает и едва заметно, как всегда загадочно, улыбается.

